

ФИЛОСОФИЯ

УДК 355.01:130.2

DOI 10.52928/2070-1640-2025-43-1-119-122

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ:
МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СПЕЦИФИКА

В.О. КОШЕВОЙ

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

Военно-политический образ рассматривается как первичная единица военно-политического сознания. Выявлены свойства военно-политических образов: целостность, управляемость, когнитивность, непрерывность. Предложено авторское определение понятия «военно-политический образ», дано определение военно-политической картины мира. Проанализирован механизм создания образа жертвы как одного из военно-политических образов и актуальной технологии ведения информационной войны. Процесс конструирования образа жертвы рассмотрен с позиций теории культурной травмы Дж. Александра, а также теории виктимизации. Сделан вывод, что историческая виктимизация может являться частью государственной политики по конструированию национальной идентичности.

Ключевые слова: *военно-политическое сознание, военно-политический образ, военно-политическая картина мира, образ жертвы, культурная травма, историческая виктимизация.*

Введение. Актуальность изучения образного восприятия действительности обусловлена значительным ростом в информационном пространстве современного социума визуализированного контента. Философское понимание образа связано с познавательными способностями субъекта, когда образ может рассматриваться как результат отражения объектов, явлений и процессов в сознании человека. Используя понятие образа, В.Е. Кемеров дает определение собственно человеческому сознанию, рассматривая сознание в качестве способности человека оперировать образами социальных взаимодействий¹ [с. 652]. Как отмечает Е.М. Охотницкая, сегодня погружение в информационное пространство, насыщенное образами, продуцируемыми различными субъектами социальной коммуникации с использованием разнообразных технических средств, становится все более полным [1, с. 97]. Особое значение информационное пространство и доминирующие в нем образы имеют в контексте формирования военно-политического сознания, которое можно определить как форму духовного отражения действительности, объектом которого выступает военно-политическая сторона общественного бытия.

Понятие «образ» является одним из ключевых при рассмотрении сущности и структуры военно-политического сознания. Например, С.Х. Усмонов, описывая оборонный тип военно-политического сознания, трактует его как сложный психический феномен, базирующийся, в первую очередь, на чувственных формах постижения действительности: «внутренний мир индивидуума, содержащий в себе ощущения угрозы, восприятие необходимости защиты, представления, образ безопасности, военно-патриотические эмоции, волю к победе»² [с. 55].

Цель данной статьи – рассмотреть специфику военно-политических образов на примере образа жертвы, а также проанализировать механизмы их создания и внедрения в сознание.

Основная часть. Одним из свойств образов, образного мышления является возможность целостного отражения окружающей действительности в сознании человека, понимаемое как картина мира [2, с. 74]. В то же время, выделяя в картине мира военно-политическую сторону общественного бытия, можно говорить о формировании военно-политической картины мира. Под ней мы понимаем результат интериоризации военно-политических процессов в индивидуальном и коллективном сознании в виде системы образов, стереотипов, представлений о военно-политической стороне общественного бытия.

Исследуя образы пространственных объектов (географические и геополитические образы), Д.Н. Замятин наделял само понятие «образ» свойствами одновременной непрерывности и дискретности [3, с. 188]. Еще одним свойством, присущим любому образу, по его мнению, выступает когнитивность, из чего следует возможность описания образов с позиций психологии как рациональных компонентов сознания: «когнитивных трансакций в чистом виде», которые могут проявляться в публичных выступлениях, различного рода публикациях, комментариях экспертов и т.д. [3, с. 430].

¹ Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова и Т.Х. Керимова. – М: Академ. проект, 2015. – 822 с.

² Усмонов С.Х. Оборонный тип сознания молодежи: социально-философский анализ (на материалах Республики Таджикистан): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Душанбе, 2018. – 151 л.

В таком контексте военно-политическое сознание общества можно представить в виде гетерогенного ментального поля, в котором взаимодействуют различные военно-политические образы. Уместно будет назвать его конкурентной средой, в которой различные политические акторы продвигают собственные интересы посредством построения в общественном сознании нарративов, мифов, стереотипов, формирования нужных оценок. Поэтому еще одним важным свойством военно-политических образов является их управляемость, т.к. образы не являются статичными и могут трансформироваться как под влиянием внутренних, так и внешних факторов. В то же время более статичной, устойчивой и менее подверженной трансформации формой образов являются стереотипы, которые можно рассматривать в качестве упрощенного и обобщенного образа предмета, процесса или явления, формируемого посредством СМИ, общественного мнения, средств культуры и т.д.

Актуальная концепция социальных стереотипов была предложена и активно внедрена в научный дискурс американским ученым У. Липпманом [4, с. 106]. Концепция Липпмана представляет большой интерес и при изучении военно-политического сознания. Ученый считал, что именно стереотипы являются основным содержанием массового сознания. Таким образом, военно-политическое сознание будет состоять из системы образов и стереотипов, сложившихся, в первую очередь, о военной организации общества. Поэтому важной задачей в контексте формирования военно-политического сознания становится управление образами, создание, продвижение и прогнозирование их дальнейшего развития. В то же время само военно-политическое сознание, в упрощенном виде, может быть представлено в виде системы образов, стержневым из которых будет образ страны и ее военной организации.

Военно-политический образ действительно может рассматриваться как первичная единица военно-политического сознания. Его можно определить как целенаправленно формируемые у общества конкретные представления, идеи, возникающие в результате непосредственного восприятия военно-политического процесса и продвижения его интерпретации в результате PR-деятельности в СМИ. В связи с этим в целях управления военно-политическим сознанием белорусского общества, а также формирования и поддержания позитивного имиджа всех воинских формирований республики, в первую очередь Вооруженных Сил, необходима организация процессов планирования, аналитического сопровождения и прогнозирования ситуаций военно-политического характера, а также отражения их в общественном сознании посредством СМИ. Целью такого комплекса мероприятий должны стать исследование и программирование структуры и траектории развития доминирующих в общественном мнении и сознании военно-политических образов.

Ключевую роль в формировании и тиражировании военно-политических образов играют средства массовой информации, которые создают и преподносят военно-политическую информацию в нужном ракурсе на многомиллионную аудиторию. Усвоение таких образов происходит в общественном сознании, как правило, некритично, что создает условия для манипулирования общественным сознанием, позволяя формировать у аудитории такие военно-политические образы, как образ врага и образ союзника, образ войны и образ мира, образ героя и образ жертвы.

Создание образа жертвы – одного из важнейших составляющих военно-политического образа, является распространенным механизмом формирования военно-политического сознания и актуальной технологией ведения информационной войны. Создание, использование и дальнейшее тиражирование образа жертвы – распространенный прием для развязывания и эскалации вооруженного конфликта. Образ жертвы может выступать как поводом, так и причиной для использования военной силы.

Самый известный исторический пример использования образа жертвы как повода для начала войны – убийство эрцгерцога австрийского Франца Фердинанда, ставшее спусковым крючком для начала Первой мировой войны. Современный пример повода для эскалации арабо-израильского конфликта – жертвы нападения боевиков «Хамас» 7 октября 2023 г., оправдавшие в глазах израильского общества ковровые бомбардировки Сектора Газа и проведение там наземной операции.

Однородная эмоциональная атмосфера, сформированная в обществе под воздействием чувства общей утраты посредством распространения образа жертвы, способна не только сформировать сильные коллективные образы военно-политического сознания, но и дать импульс соответствующему военно-политическому поведению – воодушевить на вооруженную борьбу или, наоборот, побудить к массовому исходу с обжитых мест в случае сохранения угрозы. Следует также отметить, что эти два вида военно-политического поведения могут иметь место параллельно друг другу: например, мужчины могут массово пойти добровольцами для защиты Отечества, а женщины, старики и дети – эвакуироваться из угрожаемых территорий.

Образ жертвы выступает в качестве высоко поднятого знамени для вооруженного вторжения, а также легитимизирует в глазах общества и международной общественности использование насилия для решения военно-политических задач. Так, облетевшие весь мир кадры преднамеренных столкновений пассажирских авиалайнеров, захваченных террористами, с небоскребами Всемирного торгового центра и их дальнейшего разрушения легитимизировали американскую военную кампанию в Афганистане.

Молниеносно распространенный и растиражированный всеми средствами массовой информации образ жертвы является в таком контексте важнейшим инструментом информационного сопровождения вооруженного конфликта. Он вызывает у аудитории сильнейшие эмоции сочувствия и сопереживания, привлекая общество

и международную общественность на свою сторону, формируя у адресатов соответствующие военно-политические образы, военно-политическую картину разворачивающегося конфликта, а также придает справедливый характер применению военной силы в ответ на понесенные жертвы. Современным примером конструирования и продвижения через различные каналы коммуникации образа жертвы является украинская Буча. Распространенные посредством СМИ фото и видеокadres с телами погибших позволили сформировать и продвинуть нарратив о «Бучанской резне» («Bucha massacre» в западных СМИ). Президент Беларуси А.Г. Лукашенко неоднократно комментировал ситуацию с жертвами в Буче, назвав этот кейс информационно-психологической операцией, опираясь в т.ч. на данные белорусской разведки. Российские официальные лица и СМИ используют в отношении ситуации с Бучей такие определения, как «инсценировка» и «провокация».

Создание образа жертвы в Буче имело серьезные военно-политические последствия: этот эпизод российско-украинского конфликта обсуждался на Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН с принятием резолюции; в результате Европейский Союз оправдал очередной пакет санкций (на тот момент пятый) против России; общественность стран НАТО была подготовлена к усилению военной и экономической поддержки Украины; был прекращен Стамбульский переговорный процесс, который мог сорвать планы «партии войны» коллективного Запада по дальнейшей эскалации конфликта и привести к миру.

Также образ жертвы может быть использован совместно с процессом конструирования образа врага. Ведь если есть жертва, значит, вероятнее всего, существует и субъект, действия которого привели к появлению жертвы, и который идентифицируется как Враг. Враг воспринимается в негативном свете, а образу врага присуща гиперболизация негативных характеристик, в контексте прошлого на него возлагается вина за появление жертвы, в контексте будущего характерны негативные ожидания и недоверие.

Для понимания сущности восприятия обществом феномена жертвы можно рассмотреть процесс ее появления с позиций теории культурной травмы Дж. Александера, а также теории виктимизации [5, с. 255]. Упрощенно виктимизация представляет собой процесс превращения в жертву. Военно-политическое измерение виктимизации заключается в создании образа жертвы целого общества, нации или государства, пострадавшего от действий Врага или политического оппонента. Наиболее сильные военно-политические образы понесенной в результате вооруженного конфликта жертвы, ставшие архетипом коллективной памяти, связаны с феноменом геноцида – политики и практики системных и целенаправленных действий, направленных на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, религиозной, расовой группы различными насильственными способами. Пережитый трагический опыт утраты значительной части своей группы в результате геноцида, ставший архетипом коллективной памяти, может продолжать нести в себе конфликтный потенциал и находить выражение в конструировании образа врага в лице потомков тех, кто совершал геноцид, особенно при сохранении территориального соседства. Примерами могут служить балканский и армянский кейсы, где опыт пережитой коллективной травмы, передающийся из поколения в поколение, при сохранении политической напряженности все еще хранит в себе конфликтный потенциал, способный перерасти в этнический конфликт.

В то же время Холокост и геноцид белорусского народа являются примерами культурной травмы – паттерна группового сознания, навсегда отпечатавшегося в коллективной памяти ужасающего события, коренным и необратимым образом изменившего национальную идентичность [5, с. 255].

Такую травму можно также назвать исторической, суть которой заключается в том, что осознание травматичности произошедшего в прошлом трагического события может происходить по прошествии длительного времени и проявляться в последующих поколениях. Например, юридическое закрепление понесенных белорусами в ходе Великой Отечественной войны жертв среди мирного населения как геноцида произошло сравнительно недавно.

В то же время подобная историческая виктимизация, как правило, происходит не спонтанно, а является частью государственной политики по конструированию национальной идентичности. Выбор отправных исторических точек, в т.ч. и травмирующих общественное сознание, для такого нацистроительства находится в зависимости от проводимого политическими элитами курса, а трактовка исторических событий может нести мощный конфликтный потенциал, провоцируя создание образа врага, ответственного за коллективную травму. Примером такой политики, ведущей к созданию образа врага и имеющей в т.ч. военно-политические последствия, является продвижение украинской элитой идеи о том, что «голодомор – геноцид украинского народа». Целью такой исторической виктимизации и активного продвижения и внедрения в общественное сознание нарратива об исторической травме является консолидация современного украинского общества вокруг идеи о независимости, а также дистанцирование общества от России, вплоть до создания в ее лице образа экзистенциального врага. Для этих целей используется механизм мифологизации: украинскому общественному сознанию преподносится миф о том, что целью голодомора 1932–1933 гг. было сохранение Украины в составе Советского Союза, а также нанесение удара по «национально-освободительному движению за независимость».

С механизмом мифологизации связан также механизм создания образа героя – еще одного мощного военно-политического образа, способного политически мобилизовать общество, в т.ч. на защиту своего Отечества. Механизм героизации выступает в качестве одного из обязательных атрибутов вооруженных конфликтов, призванных создать образец военно-политического поведения для граждан страны, особенно для подрастающего поколения. Сопрягаясь с механизмом мифологизации, создается миф о Герое, функция которого – передача

из поколения в поколение образца идеального военно-политического поведения, направленного на беззаветное служение Отчизне.

Образ героя как информационная технология выстраивается на фундаменте иллюзий об идеальном Гражданине, способном на сильный волевой поступок, чаще всего в виде самопожертвования, становясь духовным ориентиром для всего общества. В контексте формирования военно-политического сознания ключевое значение имеет военно-политическая позиция и взгляды, которые отстаивала героизированная личность, возможности встраивания этого героя в современную государственную идеологию.

Доктор социологических наук Г.И. Козырев в своей диссертации предлагает авторскую типологию конструируемых образов жертвы. Одним из предлагаемых типов является «жертва-герой», которая представляет собой групповой или индивидуальный образ, ассоциирующийся как с героическим поступком, так и с жертвенностью³ [с. 232]. В качестве актуальных примеров «жертвы-героя» можно рассматривать Героев Беларуси гвардии майора Андрея Ничипорчика и гвардии лейтенанта Никиту Куконенко, пожертвовавших собой ради спасения жизней жителей города Барановичи. Аналогичный поступок самопожертвования совершил и первый Герой Беларуси подполковник Владимир Карват. Несомненно, формирование устойчивых образов этих героев, особенно у подрастающего поколения, имеет и важное военно-политическое значение, т.к. ведет к созданию положительного образа Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Заключение. Таким образом, говоря о формировании военно-политического сознания, необходимо продумывать управленческие шаги по созданию системы положительных образов и стереотипов, которые станут основой продвижения, в первую очередь, позитивного имиджа Вооруженных Сил Республики Беларусь, Главнокомандующего Вооруженными Силами, высшего политического руководства страны, а также позволит оперативно и обоснованно пресекать попытки дискредитации военной организации в глазах белорусского народа и международной общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Охотницкая Е.М. Эволюция понимания категории «образ» в истории философской мысли // Вестн. Гродн. гос. ун-та им. Янки Купалы. Сер 1, История и археология. Философия. Политология. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 97–105.
2. Лукьянова М.А., Семерник С.З., Охотницкая Е.М. Технологии конструирования образов будущего культур-философский анализ // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2023. – № 3(48). – С. 73–86.
3. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. – М.: Ин-т Наследия, 2008. – 760 с.
4. Липпман У. Стереотипы // Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой; ред. пер. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004. – Гл. 6. – С. 95–107.
5. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г.К. Ольховикова под ред. Д.Ю. Куракина. – М.: Праксис, 2013. – Гл. 3. – С. 255–310.

Поступила 05.05.2025

MILITARY-POLITICAL IMAGE: MECHANISMS OF FORMATION AND SPECIFICITY

V. KOSHEVOY

(Yanka Kupala State University of Grodno)

Military-political image is considered as the primary unit of military-political consciousness. The following properties of military-political images are revealed: integrity, controllability, cognition, continuity. The article offers the author's definition of the concept of "military-political image", and also gives a definition of the military-political picture of the world. An analysis of the mechanism for creating the image of a victim as one of the military-political images and as a relevant technology for waging information warfare is carried out. The process of constructing the image of a victim is considered from the standpoint of D. Alexander's theory of cultural trauma, as well as the theory of victimization. It is concluded that historical victimization can be part of state policy on constructing national identity.

Keywords: *military-political consciousness, military-political image, military-political picture of the world, image of a victim, cultural trauma, historical victimization.*

³ Козырев Г.И. «Жертва» как феномен социально-политического конфликта (теоретико-методологический анализа): дис. ... д-ра соц. наук: 23.00.02. – М, 2008. – 327 л.